

Глава 1

Затянувшийся буран наконец утих, оставив после себя строгую и хрупкую белизну, укутавшую весь Нинчэн.

Небо прояснилось. В уединенной усадьбе у обводного канала дорожки давно расчистили; лишь на причудливых изгибах красной черепичной крыши еще белели полосы нетронутого снега.

За белоснежными деревянными рамами просторных окон, в роскошно обставленной спальне, вполголоса переговаривались несколько человек.

— Брат Цзи Янь, Сяо Цзин ведь очнется? — Юноша у постели испуганно опустил ресницы. В каждом его жесте сквозило раскаяние. — В тот день, когда он упал с лестницы... Я так испугался.

Он прерывисто вздохнул, тихонько шмыгая носом.

— Если бы я только успел его удержать...

— Не терзай себя, Жун Цин, — отозвался стоявший рядом мужчина. Говорил он мягко, интеллигентно. Это был старший сын семьи Цзин, Цзин Байвэй. — Мы все знаем характер Сяо Цзина. В том, что он покатился по ступеням, нет твоей вины.

Лишь после этих слов Жун Цин медленно поднял голову. Но посмотрел он не на Цзин Байвэя, а робко, затаив дыхание, покосился на статного, красивого мужчину, который сидел напротив, небрежно закинув ногу на ногу. Губы юноши дрогнули, словно он хотел что-то сказать, но так и не решился.

Заметив это замешательство, Цзин Байвэй тоже перевел взгляд на мужчину напротив.

Его звали Цзи Янь.

Выглядел тот чрезвычайно сурово. Тонкие брови сошлись к переносице, на фоне почти прозрачной, бледной кожи губы казались совсем бескровными, а серебряная оправка очков лишь подчеркивала холодную отстраненность красивого лица. Вокруг него сгущалась тяжелая, давящая аура.

Цзин Байвэй почувствовал, как тревожно сжалось сердце — предугадать мысли этого человека становилось все труднее.

Цзи Янь недавно возглавил влиятельную корпорацию Цзи и, ко всему прочему, приходился его младшему брату женихом. Их семьи связывал давний договор о помолвке. Старшее поколение

дружило десятилетиями, ведя совместные крупные проекты, и этот брак должен был окончательно скрепить союз двух влиятельных домов.

Цзи Яня воспитывал дед: родители мальчика погибли в страшной автокатастрофе пятнадцать лет назад. Трагедия наложила глубокий отпечаток на характер ребенка — маленький Цзи Янь замкнулся в себе, превратился в нелюдимого молчуна, способного часами неподвижно сидеть в углу. Повзрослев, он унаследовал дела семьи и сразу же проявил железную хватку. Его жесткие, порой безжалостные методы ведения бизнеса и ледяное равнодушие к людям держали в страхе весь Нинчэн.

Цзин Байвэй перевел взгляд на больничную койку, где лежал его младший брат, Цзин Юань.

Тот с самого детства дышал равнодушно к Цзи Яню. Но, избалованный безграничной родительской любовью, Цзин Юань вырос капризным, вздорным и высокомерным эгоистом. После помолвки их союз превратился в сущий кошмар. Пользуясь давней дружбой семей, Цзин Юань буквально навязал свое присутствие и переехал в особняк Цзи, однако Цзи Янь платил ему лишь ледяным презрением и неделями мог не проронить в его сторону ни слова.

В Нинчэне всюду шептались, будто истинной привязанностью Цзи Яня всегда был Жун Цин — они выросли бок о бок и понимали друг друга с полуслова. Глядя сейчас на грозовую тучу на лице несостоявшегося зятя, Цзин Байвэй ловил себя на жутковатом подозрении: случись Цзин Юаню испустить дух прямо сейчас, Цзи Янь, пожалуй, лишь молча порадуется.

В тишине палаты мерно, глухо попискивал кардиомонитор. Смотря на недвижимого брата, Цзин Байвэй испытывал горькое смятение.

Характер у младшего и впрямь был несносным. Еще в детстве Цзин Юань ухитрялся изводить старшего брата так изощренно, что это граничило с чистой злобой. Доставалось не только родне — домашние слуги то и дело плакали от его издевок и капризов. В собственном доме Цзин Юань вел себя как маленький тиран, заставляя прислугу ходить на цыпочках.

Цзин Юань родился недоношенным, с целым букетом врожденных патологий. Ему пришлось провести два месяца в реанимации, прежде чем врачи смогли гарантировать, что он выживет. Все последующие двадцать лет он оставался ходячей катастрофой: тяжелейшая аллергия на добрый десяток раздражителей, слабый иммунитет, бесконечные простуды и барахлящее сердце превратили его жизнь в череду бесконечных госпитализаций. Именно эта хрупкость и заставляла родителей потакать любым, даже самым диким его прихотям.

Правда, в последнее время дела семьи Цзин покатались под откос из-за недальновидности отца. В прошлом году холдинг лишился основных активов и фактически оказался на грани полного банкротства. Вот почему, несмотря на явное пренебрежение со стороны Цзи Яня, родители даже не заикались о том, чтобы забрать больного сына обратно.

Цзин Байвэй подавил тяжелый вздох, глядя на мерно вздымающийся мех аппарата искусственного дыхания. Всего несколько дней назад Цзин Юань неловко оступился и

покатился кубарем по лестнице, получив тяжелейшие травмы черепа. Врачи разводили руками: шанс вернуть его к жизни составлял жалкий один процент. Прогноз был суров — вегетативное состояние.

— Брат Цзи Янь...

Тихий голосок Жун Цина выдернул Цзин Байвэя из задумчивости.

— Ты совсем себя не бережешь, последние двое суток глаз не смыкал. Может, тебе стоит немного передохнуть? — Юноша заглянул мужчине в лицо с робкой, заискивающей улыбкой.

Цзи Янь даже ухом не повел. Он сидел неподвижно, погруженный в свои думы, и сквозь стекла очков буравил бледное лицо Цзин Юаня нечитаемым, пугающе пристальным взглядом.

Жун Цин проследил за траекторией его взора. В глубине его глаз вспыхнула тщательно скрываемая злость пополам с недоумением. Прежде Цзи Яня от одного взгляда на этого недоумка с души воротило, а тут вдруг такая забота! Из-за присутствия Цзин Байвэя? Глупости. Семья Цзин нынче — пустой звук, обертка без содержимого, Цзи Янь никогда бы не стал играть перед ними комедию. Тем более что братья терпеть друг друга не могли: Сяо Цзин изводил старшего при любой возможности.

Жун Цин слегка сощурился, и в его холодном взгляде, устремленном на лежащего парня, промелькнула тщательно замаскированная жестокость. Приходилось признать: природа одарила Цзин Юаня исключительной, почти неземной красотой. Даже сейчас, когда его безжизненное лицо казалось высеченным из мела, правильные черты лица поражали изяществом.

Но что с того? Обычный заморыш, пустая и бесполезная кукла со смазливой мордашкой.

Главное — тайна его падения с лестницы навсегда останется похороненной в этой палате. Ни одна живая душа не узнает, кто именно придал несчастному ускорение. Жун Цин едва заметно приподнял уголок губ, чувствуя, как улетучивается недавняя тревога.

В полдень золотистый солнечный луч пробился сквозь пластины жалюзи и лег на длинные, густые ресницы Цзин Юаня. Его бледная кожа в этом мягком сиянии казалась полупрозрачной и чистой, точно безупречный белый нефрит тончайшей огранки.

В ту же секунду мизинец больного едва заметно дрогнул. Изломы тонких бровей напряглись, и это мимолетное движение тут же приковало к себе взгляды мужчин. Медленно, словно преодолевая страшную тяжесть, Цзин Юань приоткрыл красивые янтарно-карие глаза.

Жун Цин отшатнулся как ужаленный, его лицо исказилось от невольного страха, и он поспешно отступил в глубь комнаты.

— Сяо Юань! — потрясенно выдохнул Цзин Байвэй и заметался в поисках кнопки вызова персонала. — Господи, ты очнулся?! Как ты себя чувствуешь, где болит?

Взоры всех троих сошлись на постели. Цзин Юань слегка моргнул, и в глубине его посветлевших глаз промелькнуло лукавое, виноватое веселье. Лицо его ожило, точно лепестки белого пиона, окропленные утренней росой. Юноша слабо улыбнулся.

Вообще-то, эти господа беседовали на редкость увлекательно. Не подпирай его нестерпимое, чисто физиологическое желание немедленно облегчить мочевой пузырь, он бы с удовольствием притворялся бревном и дальше. Глядишь, услышал бы еще немало грязных секретов местной знати.

На самом деле Цзин Юань был классическим «попаданцем», причем неопытным новичком, которого угораздило провалиться в бульварный роман под названием «Сладкая любовь в богатой семье, глубокая как море». Детально изучить первоисточник он не успел — его забросило сюда внезапно. Спасло лишь то, что в голове постепенно всплывали воспоминания прежнего владельца тела, да еще перед глазами стояли аннотация книги и комментарии с читательских форумов, которые он успел бегло просмотреть.

Ему досталась роль тезки — Цзин Юаня, мелкого, но на редкость вредного пушечного мяса. Персонаж хоть и считался второстепенным, но крови главным героям попортил немало. По сюжету этот вздорный и злобный эгоист после вынужденного брака с главным антагонистом романа, параноидальным тираном Цзи Янем, без устали занимался самоликвидацией. Он превратил особняк Цзи в сущий кошмар, довел семейный бизнес до краха и разлучил Цзи Яня с любовью всей его жизни — нежным главным героем, который в итоге сбежал за рубеж и там сочетался браком с протагонистом. Разумеется, когда Цзи Янь зализал раны, окреп и вернул власть, он устроил благоверному персональный ад. Цзин Юань закончил свои дни в лютый мороз под мостом, пытаясь согреться коробком спичек.

«Потрясающий финал, — мысленно резюмировал Цзин Юань. — Чистой воды Андерсен. Маленький продавец спичек Цзин Юань, чтоб его».

Похоронив себя в мыслях, попаданец смерил чистым, влажным взглядом собравшихся у постели людей.

Юноша, забившийся в самый дальний угол — это Жун Цин, тот самый друг детства Цзи Яня. И по совместительству — виновник его полета с лестницы. Заметив, как тот бледнеет от страха и жмется к стене, Цзин Юань почувствовал, как в нем просыпается хулиганский азарт. Почему бы немного не поразвлечься? В конце концов, жертве комы позволительны любые странности.

Он с трудом приподнял бледную, пугающе худую руку и дрожащим указательным пальцем нацелился прямо на Жун Цина. Дрожь была неподдельной — тело прежнего владельца изголодалось по движению и ослабло до предела. Жун Цин так и застыл, вытаращив глаза, словно перед ним разверзлась могила.

Цзин Байвэй нахмурился и поспешно шагнул вперед, пытаясь перехватить его руку:

— Сяо Цзин, побереги силы. Врач уже идет, не делай резких движений.

Цзин Юань попытался разомкнуть губы, но вместо слов из его груди вырвался глухой, удушливый кашель. Лицо мгновенно утратило последние остатки красок. В этот миг он походил на надломленную ветку жасмина, дрожащую под порывом осеннего ветра — хрупкий, изможденный и беззащитный.

«Какое удобное тело, — цинично отметил он про себя. — Даже притворяться жертвой не нужно. Правда, с таким багажом болячек выжить под боком у главного злодея будет той еще задачей».

Врач примчался через минуту. Увидев Цзин Юаня в сознании, он едва не выронил стетоскоп: по всем прогнозам у пациента наступила необратимая смерть ствола мозга, очнуться он просто не мог.

После спешного, но тщательного осмотра доктор осторожно убрал маску кислородного аппарата и задумчиво резюмировал:

— Опасность миновала, показатели стабилизировались. Однако молодой господин Цзин получил сильнейший удар по затылку. Вполне возможно, что события того рокового дня полностью стерлись из его памяти.

Жун Цин мысленно выдохнул, напряжение в его плечах наконец спало.

«Какое счастье, что у этого придурка амнезия!»

Узнай Цзи Янь правду о его вранье, последствия были бы катастрофическими. Он украдкой взглянул на жениха соперника, но тот по-прежнему гипнотизировал взглядом Цзин Юаня. Лицо Цзи Яня оставалось темнее тучи. Жун Цин досадно прикусил губу.

Без маски дышать стало значительно легче. Цзин Юань слабо покашливал, но его неожиданно живые, лукавые глаза со странным прищуром впились прямо в Жун Цина. Тот снова заерзал на месте, чувствуя, как внутри разгорается паника. Что, если этот негодяй все-таки что-то помнит?

— В тот день... это ведь ты... — прошепел Цзин Юань, вновь приподнимая дрожащие пальцы.

У Жун Цина сердце подпрыгнуло к самому горлу. Неужели этот паразит все вспомнил?!

Цзин Байвэй нахмурился, переводя взгляд с одного на другого, и замер в ожидании развязки.

—...ты ведь обещал вернуть мне тот миллион, что задолжал, — тихо закончил Цзин Юань.

Голосок его звучал мягко, с кошачьей обидой, а бледное личико выглядело донельзя несчастным. Для пушей убедительности он картинно закашлялся.

Он прекрасно понимал: он без году неделя в этом мире, а Жун Цин вовсю пользуется доверием Цзи Яня. Раскрывать карты сейчас — форменное самоубийство. Куда разумнее приберечь этот козырь на будущее. Отыгаться он еще успеет.

Жун Цин мгновенно обмяк от облегчения, но тут же возмущенно вскинулся:

— Какой еще миллион?! С чего ты взял, что я тебе должен?

Цзин Юань обиженно поджал губы, а его красивые миндалевидные глаза подернулись влагой:

— Дай-ка подумать... Ты ведь обещал перевести деньги как раз в тот день, когда я упал...

Жун Цин застыл, его дыхание участилось.

Цзин Юань прижал ладонь к виску, симулируя головную боль:

— Мы говорили о деньгах, потом я подошел к перилам, а ты стоял рядом и... Ох! Кажется, картинка проясняется!..

— Да! — испуганно перебил его Жун Цин, стараясь не выдать паники перед остальными. — Да, точно! Это мой долг, я совсем забыл. Я верну тебе все до копейки, прямо сегодня.

Глаза Цзин Юаня тут же довольно сощурились в улыбке:

— Ловлю на слове. Номер карты скину позже.

Разобравшись с шантажом, попаданец перевел взгляд на Цзин Байвэя. Старший брат. Отношения у них, прямо скажем, не ладились. Но тут уж виноват был исключительно прежний Цзин Юань — с его ядовитым языком оставалось только радоваться, что Байвэй не притопил его в садовом пруду еще в нежном возрасте.

И наконец, самое сладкое.

Цзин Юань искоса взглянул на мужчину, сидевшего ближе всех к постели.

Перед ним собственной персоной восседал главный антагонист романа — Цзи Янь.

У Цзи Яня была на удивление светлая, почти алебастровая кожа. Четкий разлет бровей придавал лицу строгое выражение, а темные, почти черные глаза смотрели спокойно и бездонно. От всей его фигуры веяло мрачным, породистым аристократизмом. Даже сквозь разделявшее их расстояние Цзин Юань уловил тонкий аромат его парфюма — изысканный запах амбры с едва уловимой горчинкой миндаля и благородным шлейфом сандалового дерева.

В памяти всплыл один из комментариев под романом: «Сумасшедший, но чертовски сексуальный ублюдок».

Понимая, что его выживание в этом мире теперь напрямую зависит от расположения этого человека, Цзин Юань приуныл. Переломить устоявшуюся ненависть Цзи Яня казалось задачей из разряда невыполнимых.

Цзин Юань несмело поднял голову и уставился на жениха влажным, жалобным взором безвинно обиженного котенка. Но тут память услужливо подкинула воспоминание о выходе прежнего владельца тела, случившейся всего месяц назад. Тогда этот идиот нацепил откровенный шелковый халат, ввалился среди ночи в спальню Цзи Яня и с порога выдал порцию отборного яда:

— Цзи Янь, у тебя только на меня не стоит, или ты в принципе импотент?

Цзин Юань почувствовал, как у него дергается глаз. Он бессильно прижал ладонь к лицу.

«Может, лучше обратно в кому?»

Хотя нет, сначала нужно стрясти с Жун Цина миллион и спустить его на полную катушку. Главное — уберечься от тихой расправы, пока тело напоминает разваренную лапшу.

В этот момент взгляд Цзи Яня заметно потяжелел. Сквозь стекла очков он смотрел так пристально, словно пытался заглянуть в самые потаенные уголки его души.

Цзин Юань поспешно отвел глаза и натянул одеяло до самого носа. Но мочевого пузыря продолжал настойчиво требовать своего. Выждав пару секунд, попаданец осторожно приподнял край одеяла и робко покосился на жениха.

Сил на то, чтобы откинуть простыню, еще хватало, но вот заставить ослабевшие мышцы спины удержать тело в сидячем положении никак не удавалось. Цзин Юань предпринял пару вялых попыток приподняться, смешно покачиваясь из стороны в сторону в надежде, что новоявленный братец проявит семейную солидарность и поможет ему сесть.

Однако минута бесплодных усилий наглядно показала, что на родственные чувства в этом доме рассчитывать не стоит. Цзин Байвэй продолжал безучастно наблюдать за его мучениями.

На самом деле Цзин Байвэй тоже пребывал в замешательстве. Прежний Цзин Юань на дух не переносил чужих прикосновений, устраивая истерику от любого случайного контакта. Помня об этом, старший брат решил не рисковать и потянулся к двери, намереваясь позвать дежурившую в коридоре сиделку.

Но стоило ему подойти к выходу, как в тишине комнаты прозвучал удивленный возглас Жун Цина:

— Брат Цзи Янь?..

Цзин Байвэй обернулся и застыл от изумления.

Цзи Янь бесшумно поднялся со своего места, шагнул к постели и уверенным, легким движением подхватил Цзин Юаня на руки.

Разница в росте и комплекции была очевидной: исхудавший за время комы Цзин Юань казался совсем крошечным в руках мужчины, а широкая ладонь Цзи Яня легко обхватывала его хрупкую талию.

Цзин Юань онемел от неожиданности. Он испуганно уставился на жениха круглыми янтарными глазами, точь-в-точь как подобранный на улице котенок, который решает: приласкают его сейчас или выкинут в окно. Его бледные, тонкие ноги без обуви и носков беззащитно повисли в воздухе, выделяясь ослепительной белизной.

Попаданец совершенно растерялся. С чего вдруг этот ледяной тиран решил разыграть заботливого супруга? Всего пару минут назад он смотрел на него как на надоедливое насекомое.

Цзи Янь между тем аккуратно усадил его в стоявшую рядом инвалидную коляску, заботливо набросил на плечи теплый плед и, присев перед ним на корточки, тихо произнес:

— Я отвезу тебя в уборную.

Его вкрадчивый голос звучал непривычно мягко, и в нем отчетливо скользили нотки... искреннего беспокойства?

— Хорошо... — едва слышно пролепетал Цзин Юань, совсем потерявшись под этим взглядом.

У Цзи Яня тоже были карие глаза, но более светлого, чайного оттенка. Когда этот человек

смотрел прямо на собеседника, его взгляд приобретал пугающую глубину, от которой веяло скрытой угрозой.

Колеса коляски мягко зашуршали по ворсу старинного ковра. Стоило им скрыться за дверью, повернувшись спиной к оставшимся в палате, как Цзи Янь медленным движением поправил съехавшие на переносицу очки.

На его тонких, бледных губах заиграла странная, пугающая улыбка.

Что же, просто великолепно.

Ему не показалось. Он действительно вернулся в прошлое, ровно на пять лет назад — в те дни, когда Цзин Юань еще не успел пустить прахом все, что ему дорого.

<http://bllate.org/book/20481/2105606>